

Бакеева Римма Равилевна

**Государственная политика в области
международного научного
сотрудничества учёных
в 1917–1939 гг. (по архивным материалам)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре историографии и
источниковедения Института международных отношений
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: **Малышева Светлана Юрьевна,**
доктор исторических наук, профессор
Института международных отношений КФУ
(г. Казань)

Официальные оппоненты: **Гилязов Искандер Аязович,**
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой татароведения
отделения «Институт востоковедения»
Института международных отношений КФУ,
член-корреспондент Академии Наук
Республики Татарстан (г. Казань)

Галеева Лилия Ильгизовна,
кандидат исторических наук, доцент
юридического факультета Института
экономики, управления и права (г. Казань)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профес-
сионального образования «Самарский государ-
ственный университет» (г. Самара)

Защита состоится «**5**» **декабря 2013 г. в 10.00 часов** на заседании диссер-
тационного совета Д 212.081.01 по защите докторских и кандидатских диссер-
таций при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502 (корпус Инс-
титута международных отношений).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лоба-
чевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(читальный зал № 1) по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казан-
ского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на
официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образо-
вания и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития науки характеризуется высоким уровнем международного сотрудничества ученых разных стран. Современные научные достижения немыслимы без постоянной интеграции выводов и результатов исследований специалистов разных областей знания из всех стран мира. При этом одним из важнейших путей взаимодействия между учеными являются различные формы международной академической мобильности. Это позволяет эффективно решать задачи, стоящие перед мировым научным сообществом, обмениваться необходимым опытом, а также приносить в науку новые знания. В последние десятилетия российские ученые и научные институты активно восстанавливают частично прерванные в советское время научные связи и успешно участвуют в работе международного научного сообщества. Для понимания и объяснения современного состояния науки в России и прогнозирования тенденций ее развития в контексте мировой науки немаловажное значение имеет исследование политики советской власти в сфере международного научного сотрудничества, во многом определявшей судьбы и перспективы, конкурентоспособность отечественной науки.

Эта политика, вырабатываемая в высших эшелонах власти, своеобразно преломлялась и реализовывалась в характере, качестве и интенсивности международной научной деятельности конкретных научных и учебных учреждений в центре и на местах, видоизменяя конфигурацию сложившихся ранее традиционных международных научных связей и отражаясь на судьбах целых научных школ и направлений и на научных и человеческих судьбах отдельных ученых. Наиболее зримо воздействие этой политики прослеживается на примере старейших крупных научных центров с более чем вековой традицией международного научного сотрудничества и разветвленной системой международных научных связей. Таким центром являлся **Казанский университет** – один из старейших классических университетов России, само основание, которого в 1804 г., сопровождавшееся приглашением к преподаванию целого ряда зарубежных ученых, стало своеобразным начальным актом международного научного сотрудничества и заложило основы постоянной научной коммуникации с зарубежными университетами и научными учреждениями.

Хорошо сохранившийся архив Казанского университета, источниковый комплекс, отложившийся в фондах архивов Республики Татарстан, дает возможность проанализировать общее и особенное в реализации политики советской власти в сфере международного научного сотрудничества университетского сообщества на региональном уровне.

Степень изученности научной проблемы. Международные контакты советской науки в период с 1917 по 1939 гг. развивались сложно и неоднозначно. С одной стороны это время становления советской научной школы и ее институтов, попытки восстановления дореволюционных научных контактов, с другой, это время активного вмешательства государства в науку и утверждения административно-командной системы контроля над научными учреждениями и учеными. Эти процессы активно исследуются, но далеко не все проблемы и аспекты изучены.

Исследования, затрагивающие проблемы политики власти в сфере международного научного сотрудничества, можно условно разделить на три большие группы. В первую группу входят работы по истории становления высшей школы в СССР в целом и по истории международных научных контактов советских ученых с 1917 до 1939 г., в частности. Вторая группа включает работы по истории Казанского университета, его факультетов и научных школ, в которых упоминаются научные контакты советских ученых с западными коллегами. Третья группа представлена историческими биографиями казанских университетских ученых, в которых затрагивается их научная деятельность, в частности, международные связи и командировки.

Интерес к теме международных научных и культурных связей СССР проявился уже в литературе начале 1920-х – начале 1930-х гг. Первые публикации, раскрывавшие роль Советского государства и лично В.И. Ленина в формировании политики в области науки, были опубликованы в начале 1920-х гг., в основном, руководителями наркоматов, ведомств и научных учреждений, занимавшихся вопросами развития науки¹. В этот период выходят и первые сборники материалов и статистических данных, посвященные организационным и институциональным моментам установления и развитию и состоянию культурных связей СССР с зарубежными странами². Впрочем, международные научные связи были рассмотрены в них в меньшей степени.

Авторы работ лет десятилетий пытались обобщить и проанализировать результаты международного научного сотрудничества. Так, в сборнике статей, посвященном десятилетию советской науки³, председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Ф.Н. Петров предло-

¹ Наука в Советской России. – М., 1922; Лапиров-Скобло М.Я. Пути и достижения русской науки и техники за 1918–23 гг. – П., 1923; Пять лет власти Советов. – М., 1922; Покровский М.Н. Наука в России за пять лет (1916–1923) // Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. – Петербург, 1923. – С. 27–37; Тимирязев А. Наука в Советской России за пять лет. – М., 1922; Луначарский А.В. Десять лет культурного строительства. – М.; Л., 1927; Наука и техника СССР. 1917–1927. В 2-х тт. / Под ред. А.Ф. Иоффе, А.Е. Ферсмана, Г.М. Кржижановского, М.Я. Лапирова-Скобло. – М., 1928; Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. – М., 1931.

² Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). – Л., 1971. – С. 6; Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Факты и цифры. – М., 1930.

³ Десять лет Советской науки. Сборник статей / Под ред. Ф.Н. Петрова. – М., Л., 1927.

жил классификацию форм международного сотрудничества советских и западных ученых: 1) взаимное посещение ученых СССР и зарубежных ученых; 2) приглашение к участию в конгрессах, съездах и пр.; 3) организация международных объединений и отделений международных организаций; 4) взаимное избрание членами научных обществ и учреждений; 5) обмен изданиями, взаимное печатание в научных журналах. При этом наиболее распространенной и прочной формой связи между научными учреждениями СССР и зарубежья он считал обмен изданиями⁴. В этом же сборнике непреходящий секретарь Академии наук С.Ф.Ольденбург, подводя итоги ее десятилетней деятельности, подчеркивал насущную необходимость «возобновить научные связи с границей», в заграничных командировках и обмене книгами⁵. В то же самое время ученые Татарской республики, характеризуя состояние науки в Татарии⁶, были более сдержанны в оценках значимости международного сотрудничества. Так, подводя итоги десятилетнему развитию советской науки, профессор Казанского университета Н.И. Парфентьев обошел стороной важность международных связей⁷. В 1930-е гг. в работах, подводивших итоги советского опыта реформирования высшей школы⁸, тема международного научного сотрудничества также освещалась скупой и эпизодически⁹. А в 1940-е–1950-е годы, трудные военные годы и время послевоенного восстановления, довольно напряженной международной обстановки, работ по международному научному сотрудничеству практически не выходило вообще.

В 1960–1970-х гг. интерес к международной научной интеграции вообще, и к научным контактам ученых, в частности, значительно возрос. Во многом это было связано с благоприятной международной ситуацией и установлением в этот период прочных научных связей со многими странами. Интерес к истории научных международных контактов первых советских десятилетий отразился в публикации соответствующих материалов в

⁴ Там же. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 32.

⁶ Губайдуллин Г.С. Что сделано в области социальных наук в Татарстане в течение пяти лет // За 5 лет: К V годовщине провозглашения ТАССР. – Казань, 1925. – С. 167–176; Фирсов Н.Н. Изучение Татарстана в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. – 1928. – Кн. 20/21. – С. 324–332; Векслин Н.Б. Изучение Татарстана за 10 лет (1920–1930). – Казань, 1930; Краснов П. Научно-исследовательская работа в Татарстане за 10 лет (1920–1930 гг.). – Казань, 1930; Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1930. – Т. LXXXX. – Вып. 3–4. – С. 314–390; Габидуллин Х. Татарстан за 7 лет. – Казань, 1927.

⁷ Парфентьев Н.И. Науки и Октябрьская революция // Ученые записки Казанского университета. – 1928. – Кн. 1. – С. 3–14.

⁸ Автухов И.Г., Огородников И.Т., Хайт И.А. Организация и методика работы в высшей школе. – М., 1934.

⁹ Тесленко Ф. О заграничных командировках научных работников // Научный работник. – 1930. – № 1. – С. 12–17; Кольцов Н.К. Успехи советской науки в области биологии за два десятилетия // Биологический журнал. – 1937. – Т. VI. – Вып. 5–6. – С. 929–946.

ряде сборников¹⁰, а также в выходе исследований по теме международного научного и культурного сотрудничества в этот период С.К. Романовского, М.С. Кузьмина, А.Е. Иоффе, Л.С. Никольской, Ю.Б. Кашлева¹¹.

В ряде появившихся с конца 1950-х гг. специальных работ, посвященных истории советской интеллигенции¹², уделялось и внимание вопросам ее международных научных связей. Л.В. Иванова подчеркивала, что с 1925 г. они расширились, чему способствовало празднование юбилея Академии наук СССР. Ко второй половине 1920-х гг. автор относит значительное увеличение числа зарубежных научных командировок и возобновление традиций проведения международных съездов на территории СССР¹³. При этом автором указывалось, что развитие советской науки привлекало большой интерес со стороны западных ученых.

Однако наиболее плодотворным периодом развития историографии темы стал период с конца 1980-х гг., постперестроечный период, инициировавший процесс переосмысления отечественной науки в целом и целого ряда ее проблем, в частности. Появляется ряд новых исследований, посвященных истории международной деятельности советских ученых, в том числе и Казанского университета, которые интересны не только богатым фактическим материалом, впервые введенным в научный оборот, но и тем, что лишены прежней идеологической заданности. К числу наиболее значимых для тематики данного исследования работ, относится диссертация А.А. Жидковой, в которой проанализирована роль зарубежных фондов, поддерживавших командировки советских ученых в период резкого сокращения регулярного финансирования российской науки¹⁴. Важным выводом диссертации стало утверждение, что важный канал международных связей советской науки – командировки за границу, субсидируемые зарубежными фондами, – начал работать с 1925 г.

Вторая группа исследований представлена трудами, посвященными истории развития науки и отдельным вопросам международного научного сот-

¹⁰ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. документов. – Л.: Наука, 1968; Организация Советской науки в 1926–1932 гг. Сб. документов. – Л.: Наука, 1974 и др.

¹¹ Романовский С.К. Международные культурные и научные связи СССР. – М., 1966; Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932 гг.). – Л., 1971; Иоффе А.Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. – М., 1975; Никольская Л.С. Международные культурные связи СССР в первое десятилетие Советской власти (К истории ВОКС и зарубежных обществ культурной связи с СССР). – М., 1970; Кашлев Ю.Б. Международное сотрудничество и культурные связи. – М., 1975.

¹² Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937 гг. – М., 1966; Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. – Л., 1970; Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. – М., 1965; Советская интеллигенция: История формирования и роста (1917–1965) / Под ред. М.П. Кима. – М.: Мысль, 1968; Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917–1975). – Л., 1977.

¹³ Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). – М.: Наука, 1980. – С. 174–175.

¹⁴ Жидкова А.А. Международные научные связи в первой трети XX в.: деятельность в СССР зарубежных филантропических фондов в 1920-е – начале 1930-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2004.

рудничества в Казанском университете¹⁵. В советский период традиционно подводившие итоги развития в этих сферах труды нередко приурочивались к юбилеям университета. Так, в сборнике к 125-летнему юбилею Казанского университета¹⁶ в статье профессора А.Е. Арбузова, охарактеризовавшего современное состояние мировой химической науки, и особенно – достижения немецких химиков, были рассмотрены научные контакты советских ученых и представлены широкие перспективы развития химической науки и ее отраслей в СССР¹⁷. В своей статье в том же сборнике М.К. Корбут также не ограничился только перечислением заслуг и достижений ученых университета, но постарался подчеркнуть научные контакты казанских ученых со своими коллегами в Западной Европе, участие их в международных симпозиумах и конференциях. Тем не менее, общей картины международного сотрудничества представлено не было. Показательно, что в опубликованном в 1930 г. двухтомнике Корбута по истории Казанского университета¹⁸ международная деятельность ученого сообщества университета тоже не удостоилась должного внимания. Уже в изданиях рубежа 1920-х–1930-х гг. основным лейтмотивом становилось подчеркивание превосходства зарождающейся советской науки над буржуазной¹⁹. Международные конференции и конгрессы упоминались только в том случае, если проходили на территории СССР.

Даже в изданиях 1950-х–1970-х гг. по истории университета (в том числе в монографии к 175-летию университета²⁰), его факультетов, по истории развития в университете отдельных областей науки²¹, международные научные связи казанских ученых описывались весьма фрагментарно, их достижения не рассматривались в контексте мировых исследований²².

¹⁵ К 125-летию (1804/05–1929/30) Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1930; Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1930. – Т. LXXXX. – Вып. 3–4. – С. 314–390; 125 years of Kazan University. – Moscow, 1930. – 14 p.

¹⁶ К 125-летию (1804/05–1929/30) Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 1930.

¹⁷ Там же. – С. 29.

¹⁸ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. – Т. 1–2. – Казань, 1930. Подробнее см.: Сальникова А.А. Становление советской системы исторического образования. 1917 г. – конец 1930-х гг. // Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / Под ред. А.Л. Литвина. – Казань: Ид-во Казан. ун-та, 2003.

¹⁹ Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие. – Казань, 1930. – С. 3.

²⁰ Казанский университет. 1804–1979. Очерки истории / Отв. ред. М.Т. Нужин. – Б.м., 1979.

²¹ Арбузов Б.А. Химический научно-исследовательский институт им. А.М. Бутлерова. К 25-летию со дня основания // Ученые записки Казанского университета. – 1954. Т. 114. – Кн. 9. – С. 53–76; Аверко-Антонович И.Н. Химия в Казанском университете (Краткий очерк). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 131 с.; Химический факультет. Краткая справка. – Казань, 1968. – 11 с.

²² См.: Григорьян Н.А. Казанская физиологическая школа. – М.: Наука, 1978. – 256 с.; Альтшулер С.А. Развитие физики в Казанском университете после Великой Октябрьской Социалистической революции // Ученые записки Казанского университета. – 1960. – Т. 120. – Кн. 7. – С. 3–13.

В канун празднования 200-летия Казанского университета было издано более 150 книг и брошюр по истории казанской науки. Немало работ по истории университета и его ученых вышло и в последнее десятилетие. Причем, помимо общих исследований по истории университета, в эти годы начинают выходить работы, посвященные истории становления и развития его структурных подразделений, а также по истории развития отдельных научных областей и направлений²³. В них отчасти отражены и некоторые страницы истории международного сотрудничества казанских ученых. Исследователями в эти годы было отмечено, что драматические события 1930-х гг., в частности, репрессии, негативно сказались на развитии науки и международного сотрудничества в Казанском университете²⁴. Однако обобщающей картины международного научного сотрудничества казанских ученых в эти годы также не было создано. Даже изданный к 200-летию КГУ двухтомный труд «Летопись Казанского государственного университета»²⁵, в котором год за годом прослеживается история университета, несмотря на довольно подробную информацию, содержит далеко не полные сведения о фактах международного сотрудничества, в том числе и о зарубежных командировках казанских ученых.

Третья группа трудов представлена биографическими исследованиями о деятельности отдельных ученых и некрологами. Они представляют интерес для данной работы, поскольку нередко содержат информацию о фактах международного сотрудничества ученого и о факторах, влиявших на его возможности и желание участия в этой деятельности.

Биографистика казанских ученых довольно обширна. Целый ряд публикаций о выдающихся ученых Казанского университета появился уже в советское время²⁶. В 1965 г. вышел биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета с краткими биографиями

²³ История физики и астрономии в Казанском университете за 200 лет. – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.В. Аганов, М.Х. Салахов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 498 с.; Альтшулер Н.С., Ларионов А.Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века: История развития и научные достижения выпускников. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. – 150 с.

²⁴ Подробнее см.: Султанбеков Б.Ф. В Казани он прожил недолго... // Республика Татарстан. – 2007. – 28 июня; Султанбеков Б.Ф. Г.Х. Камай. Трагические и триумфальные страницы жизни // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 2007. – № 2. – С 55–61.

²⁵ Исаков А.П., Исаков Е.П. Летопись Казанского Государственного Университета (история в фактах, подтвержденных документами): В 2-х т. – Казань: ООО «Дизайн-студия «МИАН», 2004.

²⁶ Завадский А.М. Профессор Алексей Александрович Остроумов (13 февраля 1858 – 1 февраля 1925) // Ученые записки Казанского университета. – 1926. – Кн. 1. – С. 3–11; Шипчинский А.В. Профессор Всеволод Александрович Ульянин // Ученые записки Казанского университета. – 1933. – Т. 93. – Кн. 4–5. – С. 3–11; Мокшин С.И. Династия Арбузовых. – М., 1969. – 108 с.; Данилов С.Н. Академик А.Е. Арбузов – глава казанской школы химиков-органиков // Журнал общей химии. – 1947. – Т. 17. – Вып.12. – С. 2117–2128; Келлер Б.А. Памяти Андрея Яковлевича Гордягина // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. – 1933. – № 52. – Вып. 4. – С. 38–42; Профессор Владимир Андреевич Баранов (К 35-летию научной и общественной деятельности) // Ученые записки Казанского университета. – 1934. – Т.94. – Кн. 6. – С. 3–6.

ученых и списком трудов²⁷. Особенно много работ, посвященных биографиям ученых Казанского университета, было опубликовано к его 200-летию, в частности, серия брошюр «Выдающиеся ученые Казанского университета»²⁸. К юбилею Казанского университета был издан и трехтомный биобиблиографический словарь²⁹. Весьма интересен для данного исследования и вышедший к юбилею сборник биографий ректоров университета³⁰, содержащий, в том числе и биографии ректоров, возглавлявших КГУ в рассматриваемый период – Е.А. Болотова, А.А. Овчинникова, М.Н. Чебоксарова, В.В. Чирковского, А.И. Луньяка, П.Н. Галанзы, Г.Б. Богаутдинова, Н.-Б.З. Векслина, Г.Х. Камая, К.П. Ситникова.

Немало важной информации по проблемам истории международного сотрудничества и его властного регулирования содержат вышедшие в 1990-е–2000-е гг. работы по истории политических репрессий в республике, работы о персоналиях репрессированных деятелей науки. В них показано, что само наличие международных контактов в этот период нередко становились серьезным пунктом обвинения ученого. Так, А.Л. Литвин на основе ранее засекреченных архивных документов исследовал трагические судьбы научной и творческой интеллигенции Татарстана в годы сталинских репрессий³¹. В этих работах было показано, что высылка из страны известных профессоров И.А. Стратонова, А.А. Овчинникова, Г.Я. Трошина оборвали связи не только с дореволюционными научными школами, но и устоявшиеся контакты с рядом зарубежных ученых и институций³², а репрессии в отношении таких ученых советской генерации, как известный (в том числе и за пределами СССР, благодаря своим международным контактам) ученый и умелый ру-

²⁷ Биобиблиографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Ч. 2: 1905–1965. Советский период. – Казань, 1965.

²⁸ Ананьева Л.Я. Александр Дмитриевич Дубяго, 1903 – 1959. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 15 с.; Дубяго И.А. Дмитрий Иванович Дубяго, 1849 – 1918. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 9 с.; Шафаревич И.Р. Николай Григорьевич Чеботарев, 1894 – 1947. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 55 с.; Шерстнев А.Н. Борис Михайлович Гагаев, 1897 – 1975. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 19 с.; Голубев А.И. Николай Александрович Ливанов, 1876–1974. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 34с.; Нефедьева А.И. Дмитрий Яковлевич Мартынов, 1906–1989. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 19 с.; Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 32 с.; Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Николай Иосифович Воробьев, 1894–1967. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 28 с.; Зорин Н.В. Бруно Фридрихович Адлер, 1874 – не ранее 1932. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 36 с.; Мухамадеев А.И. Дмитрий Александрович Корсаков, 1843–1919. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 28 с.; Ситдинов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин, 1888–1959. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 24 с.

²⁹ Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь: в 3 т. – Казань, 2002–2004.

³⁰ Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 360 с.

³¹ Литвин А.Л. Запрет на жизнь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 224 с.; Его же. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). – Казань: Татар. кн. изд-во. – 191 с.

³² Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы. Научно-популярные очерки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 285 с.

ководитель ректор КГУ Г.Х. Камай³³, нанесли удар и по складывавшимся новым контактам с зарубежными коллегами.

Подводя итог историографическому обзору, можно сказать, что тема международного научного сотрудничества ученых Казанского университета и политики власти в отношении этого сотрудничества не получила должного освещения и до настоящего времени в отечественной историографии не существует ни одной обобщающей научной работы по этой теме. При этом можно заключить, что в изучении отдельных аспектов данной проблемы были достигнуты заметные результаты, накоплен определенный фактический материал и разработаны основные принципы и подходы исследования, но специального исследования проведено не было. История международных связей Казанского университета не рассматривалась в историографии в качестве самостоятельной научной проблемы, поэтому и не осуществлялось её специальное изучение.

Цель диссертации – на основании анализа комплекса неопубликованных архивных материалов выявить основные направления и черты политики власти и властные инструменты, определявшие формы, содержание, особенности международного научного сотрудничества ученых Казанского университета с зарубежными университетами, центрами и отдельными учеными в 1917–1939 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. проанализировать комплекс источников и литературы по изучаемой теме;
2. охарактеризовать политику советского государства в отношении развития международного научного сотрудничества университетов;
3. изучить деятельность местных партийно-советских органов, их роль в регулировании международного научного сотрудничества ученых Казанского университета;
4. выявить направления развития и формы международных научных контактов ученых университета, их изменения под влиянием внутренних и внешних факторов;
5. рассмотреть значение и результаты сотрудничества в оценках его участников.

Объект исследования – советская политика регулирования международных контактов ученых Казанского университета в 1917–1939 гг.

Предмет исследования – причины и механизмы воздействия советских органов в центре и на местах на структуру, формы и интенсивность международного сотрудничества ученых Казанского университета в ходе рефор-

³³ Султанбеков Б.Ф. Сталин и «татарский след». – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – С. 218–223.

мирования системы науки и образования в первые два десятилетия советской власти.

Выбор **хронологического периода** между Октябрьской революцией 1917 г. и началом Второй мировой войны (1917–1939 гг.) обусловлен значимостью этого первого советского двадцатилетия для трансформации до-революционной системы международных научных связей и закладывания основ, рамок и ограничений научной коммуникации советских ученых с зарубежными коллегами. Ограничение и прерывание международных контактов в результате Первой мировой войны и накануне Второй мировой войны, смена политического режима в 1917 г. и начало структурных преобразований в системе учебных и научных учреждений, сложности дипломатического признания СССР на международной арене, репрессивный характер советской внутренней политики – все эти и многие другие факторы обусловили особенности, отличавшие политику советской власти в отношении международного научного сотрудничества в этот период.

Диссертационное исследование проводилось на примере и **в рамках** Казанского университета, который является крупным образовательным учреждением, одним из девяти российских федеральных университетов, расположенным в центре региона. Преобразовательные процессы, осуществленные советской властью в области международного научного сотрудничества в Казанском университете, имели здесь свои региональные особенности.

Методологические основы исследования. Методологической основой исследования является системный подход, соблюдение принципов историзма, объективности и научности, которые предполагают непредвзятый подход к анализу изучаемой проблемы, критический анализ источников, построение выводов на основе всестороннего осмысления совокупности фактов. В результате политика власти в области международного сотрудничества ученых Казанского университета предстает как целостное явление с присущими ему особенностями, характерными чертами, инструментами и механизмами воздействия, и в тоже время являющееся частью общих процессов социально-политических, экономических и культурных трансформаций в стране.

При написании диссертации применялись проблемный, историко-генетический, историко-системный и сравнительно-исторический методы, комплексный подход к изучению проблемы. Так, историко-генетический метод позволил проследить развитие и эволюцию политики власти в сфере международного сотрудничества казанских ученых на протяжении изучаемого периода. С помощью сравнительно-исторического метода были сопоставлены особенности воздействия государственных органов на международное сотрудничество учёных Казанского университета. Типологический метод позволил выявить доминирующие направления, определить изменения в количестве и качестве научных контактов в связи с изменением внутренней

политики в целом и развития самого университета в частности. Системный метод позволил описать политику власти в сфере международного научного сотрудничества как систему отношений.

Источниковая база диссертации. Источники исследования условно можно разделить на следующие группы: законодательные и нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация Казанского университета и периодическая печать.

Законодательные и нормативно-правовые акты, к которым относятся директивы ВКП (б) и постановления советского правительства о народном образовании и налаживании международного сотрудничества, дают представление о создании новой системы организации науки в 1917–1930-е гг.

Важными источниками диссертации выступают законы и постановления советского правительства, касающиеся работы советских высших учебных заведений: декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» (август 1918 г.), «Положение о единой трудовой школе РСФСР» (октябрь 1918 г.) и др.³⁴

Непосредственное влияние на развитие политики власти в сфере международного сотрудничества советских ученых оказало принятие Постановления Президиума Коллегии Наркомпроса 1925 г. «О порядке заграничных командировок». Постановление содержало директивы, на основании которых рассматривались заявки на заграничные командировки. Фактически вводились искусственные ограничения для развития новых отраслей науки в СССР. Кроме того, в 1929 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП (б) «О порядке разрешения вопроса об участии делегаций СССР в международных научных съездах и о составе этих делегаций»³⁵. Важным источником по истории международного сотрудничества советских ученых являются постановления Политбюро ЦК об участии СССР в международных конгрессах и симпозиумах (напр., об участии СССР в международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне от 5 мая 1931 г.)³⁶. Данные источники позволяют выявить правовое пространство, в котором развивалась отечественная наука в первые десятилетия ее существования, и механизма контроля, осуществляемого высшими органами Советской власти.

Законодательные акты легли в основу изучения идеологической и административной стороны командировок. С одной стороны, именно они опре-

³⁴ Декреты Советской власти. – М., 1957; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925 гг.). Сб. документов. – Л.: Наука, 1968; Организация Советской науки в 1926–1932 гг. Сб. документов. – Л.: Наука, 1974.

³⁵ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. – Ч. 1. 1928–1934. – СПб.: Европейский дом, 2000; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922–1991. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1922–1952 / Сост. Есаков В.Д. – 592 с.

³⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), 1922–1952 / Сост. Есаков В.Д. – 592 с.

деляли «идейную базу» всей политики развития международного научного сотрудничества, а с другой – довольно подробно регламентировали конкретный порядок осуществления контактов учёных.

Основным комплексом источников диссертации следует назвать делопроизводственную документацию Казанского университета, отложившуюся в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) в фонде Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина (Ф. Р-1337). Среди наиболее важных можно выделить анкеты-заявления о предоставлении командировок преподавателей, ходатайства и постановления факультетов, планы заграничных поездок, прошения и представления Правления университета, отчеты о командировках, и личные дела профессорско-преподавательского состава. Эти источники по истории международного научного сотрудничества вплоть до настоящего времени не подвергались комплексному изучению.

По изучаемому периоду сохранились документы за 1920-е и начало 1930-х гг. При этом наибольшее количество делопроизводственных документов приходится на 1930 г., в то время как с 1917 по 1921 гг. документов по данной теме не выявлено, что связано не только с проблемой сохранности документов, но и с несистематичностью научных командировок в условиях гражданской войны.

Наиболее информативными источниками представляются анкеты-заявления командируемых за границу преподавателей Казанского университета. Основная масса отложившихся в архиве анкет относится к 1930 г.³⁷. В описи №82 «Учебная часть», содержащей протоколы совещаний, находятся анкеты, датируемые 8 июня – 23 июля 1930 г. («дополнения» к анкетам датируются 20 декабря 1930 г.). Материалы анкет позволяют, как выявить персональные данные о командируемых лицах, так и систематизировать основные требования, предъявляемые университетом по командировке. Анкеты с подробнейшим набором пунктов предоставляют богатый фактический материал. То же самое можно сказать и об отчетах, о загранкомандировках, в которых в соответствии с установленной формой последовательно фиксировались промежуточные и окончательные результаты научной работы. Эти отчеты позволяют представить зарубежное пребывание казанских ученых, оценить степень интеграции в западную научную систему, реконструировать научные связи.

Важное значение для раскрытия темы играют также документы, содержащиеся в личных делах профессоров и преподавателей КГУ. Личные дела профессорско-преподавательского состава Казанского университета – это делопроизводственный источник, возникший в результате деятельности канцелярии университета по организации работы его сотрудников. В описи

³⁷ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 82. Д.21.

№ 31 «Личные дела профессорско-преподавательского состава постоянного срока хранения за 1921–1955 гг.», хранящейся в НАРТ, зафиксировано 230 личных дел профессорско-преподавательского состава Казанского университета. Из них к изучаемому периоду 1920–1930-х гг. относится 156 единиц хранения, однако лишь в 12 содержится информация о международном сотрудничестве.

Важным источником исследования явились автобиографии профессоров и преподавателей Казанского университета, сохранившиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КФУ³⁸. Создание их связано с подготовкой к празднованию 125-летнего юбилея университета в 1929 г. и подготовкой биобиблиографического словаря преподавателей. Всего зафиксировано 31 автобиография. Большая часть автобиографий написана от руки, остальные набраны на печатной машинке. Автобиография содержит основные данные о научных достижениях ученых, а также о поездках на международные конференции и о командировках за рубеж.

В исследовании также привлекались документы парткома Казанского государственного университета, сохранившиеся в фонде 624 Центрального государственного архива историко-политической документации (ЦГА ИПД РТ). Изучение архивных материалов фонда позволяет более детально и четко проанализировать механизм взаимоотношений между государственными, партийными органами и учеными Казанского университета по вопросам международного сотрудничества ученых.

Особое место при изучении политики власти в области международного научного сотрудничества принадлежало документам из Архива УФСБ по РТ. Удалось получить доступ и использовать в работе следственные дела следующих казанских учёных: Векслина Н.-Б.З., Аристовского В.М., Благовещенского Н.Н., Еналеева С.Б., Шварц С.М., Аксянцева М.И. Стратонова И.А. и его дочери Кирхнер Л.И. В материалах дел содержатся показания свидетелей, протоколы допросов, постановления и заключения прокуроров. В этих источниках была найдена ценная информация о причинах и поводах арестов ученых, свидетельствующая о том, что их контакты с зарубежными коллегами и научными организациями играли здесь не последнюю роль.

Еще одна группа использованных в работе источников – периодические издания Казанского университета, в частности, «Ученые записки Казанского университета» и «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Особый интерес в них представили выступления руководства и краткие отчеты Казанского университета, итоги крупных конференций, организованных университетом, некрологи, отчеты о заграничных командировках.

³⁸ ОРРК НБЛ КФУ. Ф. 4911. Автобиографии, письма, списки научных работ

Наиболее обширный и интересный для исследования материал содержат «Ученые записки Казанского государственного университета», возобновленные в 1925 г.³⁹, – опубликованные статьи и отчеты, являвшиеся итоговым результатом зарубежной командировки. Информативным источником о международных связях ученых оказались также публиковавшиеся в журнале некрологи, в которых перечислялись факты участия в международных конференциях и других форумах. В «Ученых записках» продолжали публиковаться данные о выписке иностранной литературы для библиотеки и об обмене журнала на зарубежные издания. Контакты с зарубежными изданиями редакцией «Ученых записок» были установлены еще в дореволюционный период, выпуски журнала отправлялись в 21 страну⁴⁰. В советское время ситуация значительно ухудшилась. Тем не менее, благодаря прочным научным контактам, установленным еще в дореволюционный период, Казанский университет продолжал получать некоторые научные журналы. Об этом, в частности, свидетельствует статья К.К. Дубровского, в которой говорится о получении Энгельгардтовской Обсерваторией в 1924 г. шведского журнала «Meddelande fran Lunds Astronomiska Observatorium»⁴¹.

«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» также рассылали свои номера в различные государственные учреждения, научные общества, высшие учебные заведения, библиотеки и музеи нашей страны и ряда других государств⁴².

Комплексное исследование всех представленных выше источников позволяет на примере Казанского университета восстановить систему организации и управления наукой по вопросам международного научного сотрудничества отечественных ученых в период с 1917 по 1939 гг., изучить политику большевиков в отношении международных контактов ученых высшей школы в этот период, осветить вопросы взаимоотношений профессорско-преподавательского состава и власти, стратегии и практики, вырабатываемые и применяемые в научной сфере. Анализ опубликованных источников и архивных материалов позволил решить задачи, поставленные в диссертации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поддержка советским государством и его органами международного научного сотрудничества в первые два десятилетия после революции имела ярко выраженные прагматические задачи: модернизация естественно-науч-

³⁹ История Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова – Ленина / Под ред. Д.Я. Мартынова. – Казань, 1954. – С. 105.

⁴⁰ Об обмене ученых записок Императорского Казанского университета на различные издания в России и за границей. – Казань: [Типолитография Казанского университета], 1905. – 24 с.

⁴¹ Дубровский К.К. К вопросу об определении установки рефрактора // Ученые записки Казанского государственного университета. – 1925. – Кн. 2. – С. 237.

⁴² Сидорова И.Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...»: ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг. // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 2004. – С. 65–81.

ных и инженерных наук в соответствии с потребностями индустриального развития страны, использование международного научного сотрудничества для стимулирования дипломатической активности в условиях непризнания Советской России большинством стран мира. В соответствии с этими задачами, преимущественные усилия направлялись на международные контакты представителей естественно-технических специальностей (в Казанском университете – физиков, математиков и медиков), поощрялась и финансировалась международная «представительская» научная мобильность (выступления на крупных форумах) прежде всего известных столичных академических ученых. Мобильность представителей гуманитарных дисциплин и провинциальных ученых финансировалась по «остаточному принципу».

2. Политика в отношении международных научных контактов ученых Казанского университета определялась стратегией «центра» и реализовывалась местными партийными органами – от первичных вузовских организаций, парткома университета до обкома партии, – и жестким контролем органов ОГПУ/НКВД. Наибольшее беспокойство и внимание этих органов привлекали индивидуализированные формы научных контактов университетских ученых с зарубежными коллегами, которые было сложнее контролировать.

3. Важнейшей формой регулирования международных контактов ученых стало создание и развитие системы специальных органов (комиссий), выстраиваемых, прежде всего, для контролирования зарубежных поездок и ставших центральными звеньями бюрократической цепочки инстанций, решавших вопросы о разрешении этих поездок. Их функциями стало не только ограничение численности, частоты и продолжительности зарубежных командировок по политическим и экономическим причинам, но и изменение состава командируемых ученых в соответствии с политикой «орабочивания», «коммунизации» и «омоложения» кадров ученых, создания режима благоприятствования представителям «титульных наций» республик, в Татарской республике – прежде всего, ученым из татар.

4. По объему и интенсивности зарубежных командировок ученых Казанского университета, прослеживаемых на основе архивных данных, и с учетом факторов, их определявших (ситуация в стране в целом; ход реформ в системе образования и науки; изменения в университетском сообществе), можно условно выделить четыре периода, отличавшиеся количественными и качественными характеристиками академической мобильности: 1) 1917–1922 гг.; 2) 1923–1928 гг.; 3) 1929–1934 гг.; 4) 1935–1939 гг. Наиболее продуктивными периодами в плане реализации зарубежных командировок являлись 1923–1928 и 1929–1934 гг. Но в 1929–1934 гг. весьма заметен сильный разрыв между количеством планировавшихся и реализованных командировок. Самым неэффективным оказался период 1934–1939 гг.

5. Результатом властного регулирования индивидуализированных форм академической мобильности стала постепенная минимизация этих форм непосредственного контакта ученых Казанского университета с зарубежными коллегами и актуализация форм «заочного» ознакомления с трудами и достижениями зарубежной науки (выписка зарубежной литературы и периодики). При этом сохранялись те же направления и конфигурация международных научных контактов: преимущественная доля контактов с германскими научными учреждениями, учеными и изданиями. К концу изучаемого периода минимизируются и сходят на нет, и формы заочных научных контактов.

6. Под воздействием политики власти изменялось и отношение, и готовность ученых к активному международному научному сотрудничеству. Понимание объективной необходимости интеграции в мировое научное пространство, особенно в формах персонализированных контактов, и значимости этих контактов для развития исследований в течение рассматриваемого периода постепенно вытеснялось субъективными соображениями потенциальной опасности этих контактов, могущих стать основой политических обвинений. Кроме того, смена поколений ученых сопровождалась и изменением представлений о значимости и необходимости международных научных контактов (советская наука позиционировалась как самая передовая), и ограничением субъективных возможностей поддержания этих контактов (невладение иностранными языками).

Научная новизна данного исследования заключается:

1. во введении в научный оборот комплекса неопубликованных архивных документов из фондов трех региональных архивов (Национальный архив Республики Татарстан, Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, Архив Управления ФСБ по Республике Татарстан) по истории регулирования и развития международного сотрудничества в первые десятилетия советской власти в одном из старейших региональных университетов России;

2. в реконструировании на основе анализа этого комплекса источников и на примере Казанского университета властных практик, механизмов и инструментов регулирования международного научного сотрудничества ученых на местах, выяснении степени участия, ролей и функций в этом регулировании центральных и местных органов, организаций и учреждений;

3. в выявлении трансформаций традиций, форм, направлений международного научного сотрудничества, ставших результатом воздействия политики власти, и формирования новых моделей и образцов международных научных коммуникаций, предписывавшихся властью советским ученым.

Результаты исследования прошли апробацию на международных и всероссийских конференциях, отражены в 15 публикациях, в том числе в одной публикации в журнале, рекомендованном ВАК. Основные положения

и выводы по теме диссертации опубликованы в трудах и материалах российских и международных конференций: «Россия и Европа: связь культуры и экономики» (Прага, 2011), «Евразия на пути к многополярному миру: от противостояния геополитических систем к диалогу культурно-исторических обществ» (Казань, 2011), «Актуальные вопросы современной науки и образования» (Красноярск, 2010), «Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания» (Новосибирск, 2011), «Историческая перспектива» (Казань, 2012), «Исторический ежегодник» (Новосибирск, 2013) и др.

Практическая значимость исследования состоит в том, что её результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке комплексной проблемы взаимодействия политики власти в сфере международного научного сотрудничества университетского сообщества. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в исследованиях по истории российских университетов в XX в., по истории науки, а также по отечественной истории советского периода. Они могут найти применение также при создании общих и специальных трудов по истории России и Татарстана, в лекционных курсах по истории становления казанской научной школы, а также в специальных лекционных курсах, посвященных политике власти в области международному научному сотрудничеству Казанского университета.

Структура диссертации продиктована логикой исследования и призвана наиболее полно осветить государственную политику в области международного научного сотрудничества учёных Казанского университета в 1917–1939 гг. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается содержание научной проблемы, актуальность темы, степень ее изученности, её научная новизна, определяются объект, предмет исследования, территориальные и хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется источниковая база, методология исследования, определены положения, выносимые на защиту, показывается практическая значимость работы.

В первой главе «Регулирование международного научного сотрудничества в условиях реформирования системы науки и образования» рассматриваются проблемы определения задач и конструирования механизмов реализации на местах политики советского государства в сфере международного сотрудничества ученых в первые два десятилетия существования новой власти.

В первом параграфе «Определение задач и создание структур системы контроля в сфере международного научного сотрудничества» рассмотрены

основные направления государственной политики в данной сфере, процесс складывания структур, органов и механизма контроля над международными контактами отдельных учёных, вузов, научных объединений.

В условиях реформирования прежней системы науки и образования, слома дореволюционных учреждений и создания новых, советская власть осознавала потребность в квалифицированных кадрах, стремилась к использованию потенциала дореволюционной профессуры, требуя при этом проявления лояльности и признания нового режима.

Регулирование международного научного сотрудничества зависело от общего направления политики советского государства в сфере высшего образования и науки. Поддержка советским государством и его органами международного научного сотрудничества в эти годы имела весьма прагматические задачи. В соответствии с потребностями восстановления и индустриального развития страны, международные контакты советских ученых должны были поднять до современного научного уровня, прежде всего, естественнонаучные, инженерные сферы науки в стране. Кроме того, международные научные контакты должны были выполнять в первые годы советской власти весьма важные представительские функции, стимулировать хотя бы минимальную дипломатическую активность в условиях непризнания Советской России большинством стран мира. В соответствии с этими задачами, внимание обращалось, прежде всего, на международные контакты представителей естественно-технических специальностей и создание органов и структур, предпринимавших усилия по установлению контактов именно в этих направлениях. Кроме того, государство охотней финансировало международные контакты – прежде всего, зарубежные командировки, – академических ученых с мировыми именами, представительские функции которых на международных форумах, по мнению власти, имели больший дипломатический эффект, нежели «рабочие» поездки в клиники, университеты и архивы университетских ученых из провинции.

В то же самое время, государство старалось поставить под контроль международные контакты ученых, особенно в тех формах, которые трудно подвергались наблюдению – в индивидуализированных формах. Система специальных органов, выстраиваемых для контролирования международных контактов ученых, прежде всего, в форме зарубежных поездок, была призвана не только ограничить численность, частоту и продолжительность зарубежных командировок – причем, не только по политическим, но и по экономическим причинам. Она должна была содействовать – в соответствии с проводимыми в стране линиями на «орабочивание» и «коммунизацию» кадров – изменению состава выезжающих в зарубежные командировки ученых.

Во втором параграфе «Местные партийно-советские органы и органы государственной безопасности и регулирование международного научного сотрудничества» раскрывается реализация государственной политики в от-

ношении международного сотрудничества учёных на местном уровне – силами партийно-советских органов и органов ОГПУ-НКВД в Татарской республике. Местные органы осуществляли контроль в данной области, действуя в рамках заданных «центром» задач. Изученные архивные материалы показывают различные примеры контроля партийными органами – от первичных вузовских организаций, парткома университета до обкома партии – и органов государственной безопасности.

Наибольшее внимание этих органов привлекали персонализированные научные контакты университетских ученых (встречи с коллегами, участие в научных мероприятиях, членство в зарубежных научных обществах, публикации в иностранных изданиях), реализовавшиеся, прежде всего, в ходе зарубежных командировок. Эти контакты, фиксировавшиеся в традиционной форме научных отчетов о командировках, привлекали все большее внимание партийных организаций и «компетентных органов», к концу рассматриваемого периода часто становясь готовыми пунктами обвинения в адрес ученых. В этих условиях количество зарубежных командировок, как показано в параграфе на данных документов, постепенно минимизируется – и не только по причинам политических и финансовых ограничений (они, безусловно, были главными), но и по субъективным причинам.

Минимизация форм непосредственного контакта с зарубежными коллегами актуализирует формы «заочного» ознакомления с трудами и достижениями зарубежной науки – прежде всего, такую форму, как выписка зарубежной литературы и периодики. Она свидетельствует о сохранении тех же направлений активности и конфигурации международных научных контактов, которые проявлялись прежде в форме научных поездок: если большинство командировок ученых Казанского университета совершались в германские вузы и организации, то и более половины выписываемой научной литературы составляли журналы и книги на немецком языке. Однако эта форма научных контактов также находилась под плотным контролем партийных органов и комиссий, органов государственной безопасности. Изученные материалы по Казанскому университету и вузам города свидетельствуют о неуклонном уменьшении – по разным сведениям, в 2–4 раза с 1929 по 1934 г. – финансирования закупки иностранной литературы – как по соображениям экономии валютных средств, так и по политическим соображениям (ведь сокращалась и практика бесплатных обменов научной литературой с зарубежными научными организациями). В конце этого периода, несмотря на сохранение устойчивого интереса ученых Казанского университета к зарубежной литературе, она нередко позиционировалась «компетентными» проверочными комиссиями как «неактуальная» и ненужная. Таким образом, сворачивалась и эта форма международных научных контактов, что способствовало усилению научной изоляции ученых Казанского университета.

Вторая глава «Реализация политики в области международного научного сотрудничества в Казанском университете» посвящена выявлению особенностей развития международного научного сотрудничества учёных Казанского университета в условиях его регулирования «сверху».

В первом параграфе «Формы, направления и участники международного научного сотрудничества» выделяются и рассматриваются такие его формы, как работа и повышение квалификации в научных центрах и учебных заведениях; участие в конгрессах и съездах, приглашение иностранных учёных в Казанский университет, членство в зарубежных и международных научных организациях; публикации в зарубежных изданиях и т.д. В изучаемый период в Казанском университете наибольшее распространение получили формы академической мобильности. В изучении интенсивности зарубежных командировок казанских учёных были условно выделены четыре периода, отличающиеся качественными и количественными характеристиками академической мобильности: 1917–1922 гг.; 1923–1928 гг.; 1929–1934 гг.; 1935–1939 гг. В качестве наиболее продуктивных в плане реализации зарубежных командировок периодов были определены периоды: 1923–1928 гг. и 1929–1934 гг.

Архивные документы со сведениями о зарубежных командировках весьма красноречиво свидетельствуют об особенности структуры академической мобильности учёных Казанского университета – традиционно значительном удельном весе командировок в научные и образовательные центры и институции Германии: на них приходилось 56% всех зарубежных командировок казанских учёных. Среди других стран командирования большинство – развитые европейские страны.

Наибольшую активность в сфере международного научного сотрудничества проявляли представители физико-математических и медицинских наук Казанского университета. На представителей социально-гуманитарных наук приходилось в эти годы лишь 8% всех научных поездок. При этом, существенную роль играло приоритетное финансирование и государственная поддержка представителей именно естественнонаучных и инженерных специальностей.

Помимо выявления общих тенденций и специфики международного научного сотрудничества учёных Казанского университета, изучение архивных документов позволило увидеть «человеческое измерение» процесса академической мобильности, взглянуть на реальных участников этого сотрудничества в контексте их повседневной жизни. Первый период (1917–1922 гг.) определялся сложной, обремененной военными тяготами, социально-политической и бытовой обстановкой. В этот трудный период ходатайства казанских учёных о командировках чаще всего оставались неудовлетворенными. Второй период (1923–1928 гг.) характерен наибольшим количеством сохранившихся архивных документов о состоявшихся поездках ка-

занских ученых на конгрессы и съезды. В третий период (1929–1934 гг.) в зарубежных командировках побывало несколько молодых учёных-аспирантов. В последний период (1934–1939 гг.), в условиях начавшихся репрессий, международное научное сотрудничество фактически сворачивается.

Во втором параграфе «Значение и результаты сотрудничества в оценках его участников: отчеты о зарубежных командировках» рассматриваются особенности оценки учеными состояния, результатов и значения международного научного сотрудничества первых десятилетий советской власти – в соотнесении и сравнении с дореволюционным опытом сотрудничества. За XIX в. были написаны и опубликованы десятки отчетов о зарубежных командировках учёных различных специальностей. Зарубежная стажировка была важным условием для получения должности преподавателя и написания научного труда. Поездки отличались длительностью и могли продолжаться несколько лет. При советской власти традиция публиковать отчеты о заграничных командировках прекратилась.

Сравнение советских отчетов о зарубежных командировках с дореволюционными выявляют общие и отличительные их черты. Традиционным остался ряд элементов формы отчета – такие, как упоминание сроков поездки, места, цели командировки, а также выражения благодарности в конце отчета. Хотя даже эти моменты представляются немного иначе: если в дореволюционных отчетах, отличавшихся большей нарративностью, эти сведения составляли часть повествования в первых параграфах, то в отчетах ученых советской эпохи эти данные выставлялись в виде формализованного перечня сведений. Отчеты учёных XIX в. больше похожи на научно-литературное сочинение, они более объёмны и написаны в свободной форме, отчеты советского периода по своему оформлению ближе к делопроизводственному документу, более кратки и содержат минимум личной информации.

Отчеты советских ученых отличает констатация того, что именно они сделали в ходе поездки и перечисление учреждений и организаций, которые они посетили. При этом бросается в глаза отсутствие – в отличие от дореволюционных отчетов – подробных оценок и характеристик увиденного, того или иного явления, коллег, учебных заведений. Дореволюционные отчеты отличались подробностью, описанием деталей, явно рассчитанных не на прочтение чиновниками, а коллегами, представителями ученой корпорации.

У казанских университетских учёных советской эпохи оценочные и эмоциональные моменты в отчете весьма кратки и сдержанны. В этом плане эти отчеты опять-таки сильно контрастируют с дореволюционными, полными излияний благодарности учреждениям, институтам, коллегам и официальным лицам. Причем, их наличие было обусловлено не только устоявшейся традицией, формой отчетов, но и своеобразной корпоративной этикой – не писаными правилами вежливости и учтивости ученого сообщества. Таким

образом, можно говорить о том, что изменения в государстве, в политике власти по отношению к учёным и, в частности, к их международному сотрудничеству накладывало отпечаток на изменения и содержания, и формы делопроизводственных документов. В том числе, и отчетов о зарубежных командировках. Данный документ получает более строгую и официальную форму, становится сух и формализован по содержанию. Не говоря уже о том, что ввиду угрозы репрессий к 1930-м гг. ученые стали опасаться наличия самих фактов зарубежных командировок в своих биографиях и старались не упоминать их лишней раз, не фиксировать письменно, не распространяться о деталях этих поездок и международных контактов вообще и о значении их для собственной работы. Сохранившиеся отчеты утрачивают черты творческой научной работы, они бюрократизируются и формализуются, содержат в основном перечень научных понятий и терминов, в них практически отсутствуют личные впечатления, оценочные и эмоциональные элементы. Учёный советской эпохи был более скован, он чувствовал угрозу, давление со стороны общества и власти, и отвечал на это жесткой самоцензурой, проявившейся и в отчетах о зарубежных командировках.

В заключении подведены итоги и изложены основные выводы исследования.

Вопросы воздействия политики власти на международное сотрудничество ученых рассматривались в историографии как часть более общей темы – истории становления советской науки и системы высшего образования и установления международных контактов советских ученых. Отдельные ее аспекты затрагивались в трудах по истории Академии наук, российских университетов. Анализ исторической литературы выявил значимую и неразработанную научную проблему особенностей реализации этой политики, вырабатывавшейся в высших эшелонах советской власти, «на месте» – в нестоличном крупном научном и учебном центре с давними традициями международного научного сотрудничества (Казанский университет) и воздействия политики властей всех уровней на это сотрудничество, его качество, интенсивность, результативность и восприятие участниками. Эта проблема была раскрыта в данном исследовании.

Анализ различных групп источников выявил особое значение для изучения темы группы неопубликованных делопроизводственных документов фонда Казанского университета из Национального архива Республики Татарстан. Они позволили не только выявить механизмы регулирования международного научного сотрудничества в 1917–1939 гг. на примере Казанского университета, но и рассмотреть проблемы коммуникаций по этим вопросам профессорско-преподавательской корпорации с органами власти, а также внутри самой корпорации, охарактеризовать изменения под влиянием внешних и внутренних факторов восприятия учеными международного сотрудничества и собственного участия в нем.

Советское государство с первых лет существования создавало механизмы контроля над наукой и образованием. Под контроль специально создававшихся органов и комиссий было поставлено и международное сотрудничество ученых. В политике регулирования советским государством сферы международного научного сотрудничества условно выделяются три этапа, которые вполне соответствуют тем изменениям, которые оказали влияние на взаимодействие казанских ученых с их зарубежными коллегами.

Первый этап (1917–1925 гг.) характеризуется установлением основ общегосударственного и политически ориентированного управления наукой. В это время мощный отток кадров ученых и преподавателей в другие регионы, эмиграция за рубеж, тяжелое материальное положение оставшихся, условия войны и разрухи, политического противостояния в регионе минимизировали объем и интенсивность международного сотрудничества в Казанском университете, первый и тяжелый удар по которому был нанесен еще мировой войной. Второй этап (1926–1932 гг.) представляет собой период усиления централизации, бюрократизации, «наступления» на традиции и позиции «старой интеллигенции» в вузе. В это время сопротивление дореволюционных учёных было окончательно сломлено, происходило становление советской системы высшей школы. Однако это было и время частичного восстановления международного научного сотрудничества Казанского университета – за счёт выделения средств центральными органами власти и непрепятствования ими деятельности в этом направлении ряда иностранных фондов, например, поддержке зарубежных командировок отдельных казанских ученых Рокфеллеровским фондом. На последнем этапе – 1933–1939 гг., пришедшемся на время установления тотального контроля над всеми сферами деятельности советских людей, время репрессий и «чисток», международное научное сотрудничество казанских ученых было практически свёрнуто, а все прежние контакты с зарубежными коллегами и учреждениями становятся весомыми поводами для обвинений в шпионаже.

Исследование показало, что поддержка советским государством и его органами международного научного сотрудничества в рассматриваемый период первых двух десятилетий после революции имела весьма прагматические задачи. Во-первых, она направлялась на модернизацию, прежде всего, естественнонаучных, инженерных отраслей науки в стране. Во-вторых, международные научные контакты должны были стимулировать хотя бы минимальную дипломатическую активность в условиях непризнания Советской России большинством стран мира. Поэтому государство охотней финансировало международные контакты – прежде всего, зарубежные командировки, – академических ученых с мировыми именами, представительские функции которых на международных форумах, по мнению власти, имели больший дипломатический эффект, нежели «рабочие» поездки в клиники, университеты и архивы университетских ученых из провинции.

Прослежена динамика изменения количественных и качественных характеристик международного научного сотрудничества. Сравнительный анализ выявил особенности изучаемого хронологического периода. Под воздействием государственной политики изменялись критерии, предъявляемые к командируемым за рубеж, а также отношение и готовность ученых к активному международному научному сотрудничеству. Понимание объективной необходимости интеграции в мировое научное пространство, особенно в формах персонализированных контактов, и значимости этих контактов для развития исследований в течение рассматриваемого периода постепенно вытеснялось субъективными соображениями потенциальной их опасности для личных судеб ученых.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Бакеева Р.Р. Анкеты-заявления учёных Казанского университета как источник по истории международного сотрудничества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №7 (13): в 3-х ч. Ч. III. – С.20–23 (0,2 п.л.).

В прочих научных изданиях:

2. Бакеева Р.Р. Международное научное сотрудничество учёных Казанского университета в 20–30-е гг. XX века (по документам Национального архива Республики Татарстан). // Евразия на пути к многополярному миру: от противостояния геополитических систем к диалогу культурно-исторических обществ: материалы III Евразийского научного форума (1–3 июля 2010 г.) в 2 томах: том I / Под ред. Б.М.Ягудина. – Казань: «Intelpress+», 2011. – С.48–53 (0,3 п.л.).

3. Бакеева Р.Р. Научные командировки учёного Казанского государственного университета Ивана Владимировича Тюрина // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы международной научно-практической конференции (24 декабря 2010 года). – В 2-х частях. – Ч.1. / Отв. редактор Наумов А.В. – Прага, Чешская Республика: DigiTisk Studio spol. s.r.o., 2011. – С.9–11 (0,2 п.л.).

4. Бакеева Р.Р. Международное сотрудничество учёных Казанского университета в 20-е гг. XX века // Актуальные вопросы современной науки и образования: Материалы V Общероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып.1 / Под общ. ред. Максимова Я.А. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2010. – С.34–36 (0,2 п.л.).

5. Бакеева Р.Р. Заграничные командировки профессора Казанского государственного университета Моисея Марковича Грана // Традиции, тенденции и перспективы в научных исследованиях: Материалы V Международной студенческой научно-практической конференции. – Чистополь: ИНЭКА, 2010. – С.35–36 (0,25 п.л.).

6. Бакеева Р.Р. План заграничных командировок 1930 г. медицинского факультета Казанского университета // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: Сборник материалов V Международной студенческой научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 1 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. – С.76–79 (0,2 п.л.).

7. Бакеева Р.Р. Заграничные командировки ученых факультета общественных наук Казанского университета // Сборник материалов Республиканского конкурса научных работ среди студентов и аспирантов на соискании премии им. Н.И.Лобачевского / Составитель Акмалов А.Ф. – Казань: Издательство Научный Издательский Дом, 2011. – С.20–21(0,25 п.л.).

8. Бакеева Р.Р. Делопроизводственные документы по истории международного сотрудничества Казанского государственного университета рубежа 1920–1930-х гг. // Научный потенциал молодежи – будущее России. III Всероссийские научные «Зворыкинские чтения»: сборник тез. докл. III Всероссийской молодёжной научной конференции. Муром, 22 августа 2011 г. – Муром: Изд-во Полиграфический центр МИ ВлГУ, 2011. – С.164–166 (0,2 п.л.).

9. Бакеева Р.Р. Научные общества Казанского государственного университета в 20-е годы XX века: некоторые аспекты международного обмена литературы // Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы изучения истории XX века в высшей школе в условиях перехода на Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения». – Казань: КНИТУ им. А.Н. Туполева, 2011. – С.18–24 (0,4 п.л.).

10. Бакеева Р.Р. Архивные документы учёных Казанского университета как источник по истории международного сотрудничества // Вестник Татарского Государственного Гуманитарного Педагогического Университета. – Казань: ТГПУ, 2011. – №3 (25). – С.100–103(0,25 п.л.).

11. Бакеева Р.Р. Научные направления командировок преподавателей медицинского факультета Казанского университета середины 20-х гг. XX века // Шаг в науку 2011: материалы II региональной студенческой научно-практической конференции / Министерство образ. и науки России, Казанский нац. исследов. технолог. университет. – Казань: КНИТУ, 2011. – С.218–221(0,2 п.л.).

12. Бакеева Р.Р. Научные командировки учёных-гуманитариев Казанского государственного университета в начале 20-х гг. XX века // Молодёжь. Наука. Будущее: технологии и проекты: материалы международной

научно-практической конференции молодых ученых и специалистов, 21–22 октября 2011 г.: в 3 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. – С.26–28 (0,2 п.л.).

13. Бакеева Р.Р. Учёные Казанского университета в системе международной академической мобильности // Историческая перспектива. Материалы научно-практической конференции молодых учёных-историков. Казань, 10 декабря 2012 г. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – С. 11–17 (0,4 п.л.).

14. Бакеева Р.Р. Историографический обзор международного научного сотрудничества учёных Казанского университета (1917–1939 гг.) // Исторический ежегодник. 2013: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – С.178–189 (0,6 п.л.).

Подписано в печать 21.10.2013 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 120 экз. Усл. печ. л. 1,75

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09